

Родился в 1949 году, стрелец. В пятьдесят лет познакомился с поэтом Львом Дановским (1947-2004) и начал писать стихи, до того не в счет. Прочее, как у людей: две книги, публикации в толстых и прочих, фестивали, победы и поражения фифти-фифти. В 2010 году принят в Санкт-Петербургский союз литераторов и Российский союз профессиональных литераторов

* * *

Тринадцать на пять — полуюбилей,
артрит и отложение солей.
Ешь, что тебе оставят на столе,
и, равнодушно нацепив обноски,
возрадуйся, что, ходишь по земле,
а не в краях, где Бродский.

“Но гибок ум, и глаз пока остер,
и дров хватает поддержать костер”, -
в наивный лепет, мол еще не вечер,
на этот раз поверил режиссер,
бал не свернул, хотя убавил свечи.

И значит, страх поглубже спрячь внутри,
на все болячки плюнь и разотри.
На улице прекрасная погода.
Санкт-Петербург, декабрь, дожди, плюс три.
Меж лысых елок и крутых витрин
шагаю гордо.

ТЕТРАПТИХ «ВОЙНА»

1.

Мне опять приснилась плаха
вот такой величины!
Рядом с ней ребенок плакал.
«Три минуты до войны»,

- со столбов кричат вороны.
Подходящие места
для последней обороны
от Зеленого моста

вниз по Мойке вплоть до Пряжки
сплошь из глупости людской.
Двое юнкеров растяжки
тянут вдоль Большой Морской,

и пожар на заднем плане.
Может, старое кино?
Может, я сегодня пьяный?
Может, умер я давно?

«Поднимись, шахтер и пахарь,
чтобы дать врагу отпор!»
Корюшкой эскарпы пахнут.
Вот поодаль ставят плаху.
Вот палач занес топор...

2.

Бандерлог бандерлога назвал «бандерлогом»,
и обиженный вусмерть бредет бандерлог.
Для великой войны не хватало предлога.
Бандерлог бандерлога — нормальный предлог.

У великой войны есть три веских причины:
с нами Царь, с нами Бог и за нами заря.
А намедни повестки вручили мужчинам,
успокоив: на сборы везут в лагерь.

Генералы достали из сейфов конверты.
Резко подорожали мука и дрова,
и соседка, шалава известная Верка,
на прощанье впервые за так мне дала,

а потом разревелась, уткнувшись в колени.
В пункте сбора кормили борщом с ланчен мит.
На асфальте валялись обрывки сирени
возле сквера, где вскоре я буду убит.

В семь часов провожали всем миром в дорогу.
Речь толкнули легат и инструктор ЦК.
Мы, плакат расстелив «Раздави бандерлога»,
уплетали бананы из сухого пайка.

3

Злое солнце выжжет зелень
через месяц, а пока
лишь пощипывает землю
за кудрявые бока,

угрожая понарошку,
что сейчас пойдет в ножи.
Среди трав резвятся мошки.
Ожидают ночь ежи.

Ниже неба кружит птица,
камнем падать не спеша,
чуть заметно пар курится.
Словно детская душа,

степь возносит Богу гимны.
Помолитесь обо мне:
я вчера бесславно сгинул
на несправедной войне.

4.

Стены пишут: «Текел, мене».
Может, будет год хорошим.
Возвращаются в гамельны
повзрослевшие гавроши.

Неубитые солдаты -
нерожденные поэты
празднуют исхода дату,
вспоминают песни флейты,

ставят с возвращеньем литры,
а потом пускают корни,
по утрам, прочтя молитву,
сыновей овсянкой кормят,

женят на богатых девах,
делаются стары, лысы.
Тихо умирают деды.
Жир нагуливают крысы.

ЭПИЗОД КОНЦА ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Известно: выдаст Бог - сожрет свинья.
И было мне тревожно и неловко:
для рандеву со сверстницей слинял
с урока по военной подготовке.

Резвился март. Он занимал рубеж,
когда земля черна, дома в тумане
и хочется надеяться: «Уже».

Хотя понятно, что весна обманет,

швырнет под ноги снег и гололед,
потом заплачет, вызывая жалость...

Впервые я отправился в полет
с единственной, как мне тогда казалось.

Сквозь облака на небеса взошел,
утратив разом совесть, честь и башню...
Тут вээлкаэсэмовский значок
напомнил через тонкую рубашку,
что в коммунизм таким дороги нет,
с Космодемьянской не стоять мне рядом.
А самый человечный человек
сознание жег знакомым с детства взглядом.

* * *

Боялся: «Ordnung ьber alles»,
Но ты... Ты оказалась той!
До полусмерти измывались
над старой узкою тахтой,

творя дуэт, играя соло
шальных кульбитов и глиссад.
Сойдет с ума любой сексолог.
Помрет от зависти де Сад.

Презрели все табу и вето.
Ты гладила мое лицо,
и девять с половиной метров
казались мраморным дворцом,

а на стекле оконном влага
из лунных нитей соткана.
И восхищался нами ангел
под псевдонимом Сатана.

* * *

Запомнилась осень, в которой
я глухо торчал на мели.
С концами накрылась контора.
Ветра вдоль проспектов мели.

Неделю лило без антракта.
В домах отрубили тепло.
Заржавленный жэковский трактор
Смотрел на меня сквозь стекло,

увязнув в расплывшемся дерне.
Соплями измазав рукав,
пошел я на кухню и сдернул
решительно люстру с крюка.

Проверил, насколько он крепко
вмонтирован. Хрен тебе: хрясь
куском штукатурки по репе...
Озвучил, что думал про власть,

строителям выдал по полной,
на дворниках выместил зло.
И только под утро вдруг понял,
что мне, наконец, повезло.

* * *

«Туман на станции Казатин» 1,
«Опять на станции Зима» 2.
Дилемма — быть или казаться,
но так и так сходить с ума,

с которым, как известно, горе
и понимание, ты — тля.
В такой момент сломала горло
Борису Рыжему петля,

но чаще дальше тянут песню,
промыв сивухой голоса,
и жизнь вкусна, как сочный персик,
и счастлив целых полчаса